

Короли ночи

*Остерегись ее волос:
Она не одного подростка
Сгубила этою прической.*

Гёте "Фауст" (перевод Б. Пастернака)

Король учёных

"Девушка, не в той очереди стоите," - подначивали Спутницу одуревшие от трёхдневного бдения у израильского консульства и радующиеся любому развлечению, а в особенности возможности поупражняться в остроумии, будущие жители единственной демократии на Ближнем Востоке.

Дипломатических отношений у Советского Союза с Израилем тогда не было, разрешения на въезд давало консульство, уютящееся в здании голландского посольства. Наша очередь должна была подойти ещё через пол-года, а пока мы стояли в отдельной небольшой компании у главного входа, в некотором отдалении от этнически близкой нам общности людей. Мы ехали в Голландию, - я получил приглашение поработать месяц в Эйнховенском Техническом Университете. Возможный заработок казался совсем не лишним в то голодное время, да и для академической карьеры в Израиле - переезд был делом решённым, - дополнительные рекомендации не могли помешать.

Эйнховен - скучное место, совсем не похожее на Амстердам и другие старинные голландские города, - оказался столицей нидерландского хай-тека. В городе всё, начиная от футбольного клуба ПСВ и кончая небольшим музеем, принадлежало фирме "Филлипс". От этого факта невозможно было спрятаться, о флагмане электронной промышленности страны в любой момент и в любой точке внутри городской черты назойливо напоминали окружающие тебя со всех сторон разнообразные, как по форме, так и по цветовой гамме, рекламные щиты. Верящий в чудеса, желающий улизнуть от нескончаемой вакханалии прославления "Филлипса", наивный мечтатель мог пытаться искать тихую гавань - убежище например в какой-нибудь пивной, но и там всё заканчивалось тем, что приходилось с чувством безысходности следить за унылой струйкой

пива, вытекающей из крана с надписью "Филлипс". Местный университет был основным поставщиком научно-технических кадров для "Филлипса", и был под стать пейзажу, - бетонная многоэтажная громада из стекла и бетона, причём в основном из бетона. Здание, несмотря на значительность, почему-то однозначно ассоциировалось с противотанковыми укреплениями времён Второй Мировой, и вызывало желание нудно и неумно оправдывать своё присутствие в этом конкретном месте аргументами типа "такое позади, что отступать некуда". А тут ещё я вычитал, что основоположник голландского высокотехнологического производства был близким родственником основоположника марксизма, который, поступившись крещением по отцовской инициативе в младенчестве и наступив на горло своему патологическому антисемитизму, выпрашивал у господина Филлипса денежное довольствие, ссылаясь на общую иудейскую веру. "Теперь ты понимаешь, что продуктивно работать в фирме "Филлипс", или, что то же самое, в местном техническом университете, это всё равно, что напрямую переводить деньги на дело мировой революции, цели и задачи которой противоречат твоим национальным устремлениям," - убеждала меня Спутница. Осознание её правоты приводило меня в ещё большее уныние и оправдывало, по крайней мере в собственных глазах, моё невынужденное безделье - быстро написав оброчную научную статью, я практически перестал подавать наружу признаки мозговой деятельности.

Эйндховенский Технический Университет

Я стал появляться в университете всё реже. Да и толку от этих визитов было немного. Работающие там люди напоминали заводные механизмы, действующие в соответствии с заранее внесённой программой. Горячее обсуждение какой-нибудь научной проблемы, которое казалось вот-вот должно было привести к решению задачи, бестрепетно прерывалось без четверти пять, так как мой коллега ровно в пять отправлялся домой, - возможность воспользоваться следующим поездом, отходящим через пол-часа, даже не рассматривалась. Его обычный распорядок дня ещё включал в себя пятнадцатиминутный утренний кофе с газетой, двадцатиминутное распитие чая с кафедральными секретаршами, получасовой сеанс покера с коллегами и двадцатиминутная прогулка возле университета. Для каждого из этих действий

были отведены определённые часы, нарушение которых, по-видимому, могло привести к совершенно непредсказуемым, но однозначно катастрофическим, последствиям.

Хотя у каждого из местных преподавателей имелся свой собственный стабильный распорядок дня, в этой насыщенной довольно бессмысленными с точки зрения постороннего делами программе были предусмотрены окна для совместных мероприятий, вовлекавших практически всех работающих на кафедре. Так ежедневно после обеда в университетской столовой счастливые обладатели звания полного профессора рассаживались за центральным столом для того, чтобы разыграть несколько партий в бридж. Все остальные преподаватели по ранжиру распределялись вокруг стола и стоя следили за игрой. При этом соблюдалась строгая иерархия - чем выше ты был по должности, тем ближе к игральному столу мог находиться. Доцентам было позволено смотреть в карты профессоров, позади которых они стояли. Подсказывать было запрещено. Единственным разрешённым способом самовыражения для доцентов было сочувственное покачивание головой при появлении неожиданного расклада. Остальным не дозволялось и это.

В этом сообществе блистал профессор Ван Линт. Это был выдающийся в нашей области человек. Будучи ещё молодым учёным, он сумел найти связь между чисто инженерной задачей надёжной передачи информации и некоторыми областями классической математики. Это привело к существенному увеличению интереса к проблематике, а соответственно и значительному притоку юных математических дарований, увлечённых открывшимися перспективами. Но на этом достижении голландец не остановился. Раз в пять-семь лет Ван Линт писал новую работу, в которой ставилась ранее неизвестная проблема, решать которую тут же бросались многочисленные исследователи из разных стран. Интересно, что сам Ван Линт, как правило, ничего существенного в решение поставленной задачи не приносил, видимо, весь его талант был настроен на поиск новых направлений. Ван Линт всё время соревновался. Он, например, был страстным коллекционером. Начав собирать что-либо, он не успокаивался пока его коллекция не становилась лучшей. Так его собрание голландских почтовых марок считалось самым полным из существующих. Однако, становясь победителем в соревновании, обозначенном им для себя как главное на данный момент, он остывал к этому состязанию, и переключался на какое-нибудь новое. В межсоревновательный период он томился и искал, например, его можно было увидеть в бассейне, где он, не делая никаких скидок, соревновался с каким-нибудь десятилетним мальцом в плавании на короткие расстояния, и пребывал в абсолютно счастливом состоянии, если ему удавалось пацана обогнать.

Меня Ван Линт замечал через раз, - проговорив со мной больше часа в первый день моего появления в университете, на следующий день он прошёл мимо, даже не кивнув в ответ на моё приветствие. Позже я понял, что наиболее эффективный способ заставить профессора поговорить с тобой - это стоя в коридоре рядом с его кабинетом начать громко обсуждать футбол. В момент, когда ты ссылался на какую-нибудь игру, случившуюся за добрый десяток лет до этого, нужно было немного ошибиться в указании окончательного счёта, и уже через мгновение заполучить профессора стоящим рядом с тобой.

Выслушав справку о правильном результате, ты мог безбоязненно переходить к научным вопросам, - Ван Линт пребывал в состоянии эйфории от победы в соревновании на знание результатов футбольных состязаний. Он, по его утверждению, впрочем неоднократно проверенному, помнил все результаты матчей высших лиг Голландии и Бельгии за последние пятьдесят лет. Стоит ли уточнять, что Ван Линту после обеда в университетской столовой отводилось самое почётное место за столом для игры в карты.

Vivat, Королева!

Жильё нам сняли в городке Нюнен, у знакомых Ван Линта. До университета можно было доехать за сорок минут на автобусе, который ходил каждые полчаса. Наша комнатка находилась под потолком третьего этажа частного дома. Название чердак не совсем подходило этому жилью только в связи с тем, что оно было довольно чистым. В комнате помещались стол с двумя стульями, кровать, приподнимаясь на которой, ты обязательно ударялся головой о потолок - следствие кривой крыши, книжная полка и умывальник.

Хозяйку звали Маргрит. Довольно высокая, рыжеватая женщина, возраста, приближающегося к семидесяти, но довольно молодожаво выглядящая. Удивляло малоподвижное лицо, не очень подходящее для улыбки и прозрачные, почти бесцветные, глаза. Её взгляд было невозможно поймать, - когда она что-то говорила, то смотрела не на собеседника, а куда-то на несколько десятков сантиметров левее или правее, так что в принципе можно было определить, с кем она беседует в данный момент, но рассчитывать на то, что она будет реагировать на твою мимику не приходилось. Её муж постоянно пребывал в отъезде по делам бизнеса, а так как взрослые дети, которых было шестеро, жили отдельно от неё, она не любила подолгу находиться дома в одиночестве, и поэтому сдавала комнату. "Только по рекомендациям, конечно. А рекомендации профессора Ван Линта мы очень ценим," - несколько раз повторила Маргрит. В первый же вечер мы получили приглашение на чай. Мы решили не ужинать в этот день, чтобы не обидеть хозяйку отсутствием аппетита, но, спустившись ровно в восемь вечера в гостиную на первом этаже, обнаружили, что на столе кроме чайника присутствует только блюдо с тремя художественно выложенными коржиками, а на подоконнике стоит тарелка, заполненная сушащимися использованными пакетиками чая.

После нашего короткого рассказа о том, откуда мы, хозяйка объяснила нам, чем и как можно пользоваться в доме, и выразила уверенность, что мы станем с ней хорошими друзьями. Маргрит спросила, есть ли у нас какие-то просьбы, и я сказал, что так как начинается чемпионат мира по футболу, я был бы признателен, если бы мог иметь возможность смотреть игры по домашнему телевизору. "Я болельщица!" - воскликнула Маргрит, - "Я буду болеть за нашу голландскую команду, которая безусловно победит. Мы будем смотреть все-все игры вместе". В этот момент мне показалось, что с выбором жилья мы не ошиблись.

На следующий вечер должно было состояться открытие чемпионата. Маргрит не было дома, но я всё равно спустился в салон и включил телевизор. Хозяйка вернулась в середине второго тайма. Увидев меня в салоне, радостно

плящимся в экран, она покрылась красными пятнами, и задыхаясь начала отчитывать меня: "Как ты посмел? Включить телевизор? Без меня?" Телевизор был тут же выключен (двадцать минут до окончания матча!), и я ретировался в свою комнату. Вскорости выяснилось, что Маргрит каждый вечер уезжает из дома допоздна. Несмотря на то, что во дворе стоял последней модели "Мерседес", она вскарабкивалась на велосипед и укатывала. После чего я сразу же спускался в салон, Спутница занимала наблюдательный пост у окна, из которого виден был подъезд к дому, и следила за дорогой, на которой должна была появиться хозяйка, а я при выключенном освещении предавался наблюдениям за кудесниками мяча. Но и в этой простой схеме появились осложнения. Видимо заподозрив неладное, Маргрит начала прятать пульт управления телевизором. Я быстро обнаружил, что она кладёт его за книги на полке, и на этом наше состязание в том, кто кого перехитрит, закончилось в мою пользу. Больше приглашений на чай мы не удостоивались, но новых конфликтов не было, да и сталкивались мы редко.

Городок Нюнэн, в котором мы обитали, ничем особенным не отличался, и так бы и остался никому неведомым, если бы в 1883-1885 годах там не поселился и не поработал Винсент Ван Гог. Художник делил дом с родителями, его картины, написанные в Нюнэне легко распознаются по земельно-коричневым тонам, свидетельствующим о подавленном настроении. "Едоки картофеля" - типичный результат нюнэнского периода. Как раз в то время, когда мы там были, в Голландии праздновалось столетие со дня смерти Ван Гога. В Амстердам свезли отовсюду картины художника и сделали самую представительную в истории выставку его работ. Полотна были развешаны в хронологическом порядке. Переход от ранних работ к поздним оставлял ощущение наблюдения за гаснущим костром. На последних картинах повторялся один и тот же сюжет - над полем кружили стаи зловещих птиц. Небо темнело от картины к картине, пока на самой поздней птицы не пропали во мраке, став неразличимыми.

Празднества докатились и до Нюнэна, куда, в рамках торжеств, должна была приехать голландская королева. К своему стыду я ни разу в жизни до этого не видел королев живьём. Собственно аналогичная ситуация наблюдалась и в отношении королей, но с этим я как-то мог смириться. А вот возможность пропустить встречу с королевой даже не рассматривалась. Поэтому за два часа до её приезда мы со Спутницей уже стояли в первом ряду зевак, расположившихся на тротуаре главной улицы Нюнэна. У нас было достаточно времени, чтобы обсудить кодекс поведения при случайных столкновениях с монархами, а также предусмотреть все возможные неожиданности, чтобы не попасть впросак. Было множество неясностей. На какой карете приедет королева, и сколько лошадей будет запряжено? Если королева выйдет из кареты и подойдёт, должна ли Спутница ограничиться книксеном или обязана уйти в глубокий поклон? Как сказать по голландски "Ваше Величество"? А если завяжется светская беседа, стоит ли её спрашивать, хранятся ли в семье воспоминания о приезде Петра Первого? Будет ли королева в вечернем наряде, короне и бриллиантовом ожерельи, или, так как дело было посреди дня, просто в короне? Не найдя толкового ответа ни на один из вопросов, мы решили действовать спонтанно, в зависимости от конкретных обстоятельств. По прошествии двух часов - точность - вежливость королев, - проехали

полицейские машины, а за ними последовал среднего размера автобус. Мы продолжали вглядываться в туманную даль, откуда должна была появиться карета, пока по поведению толпы не поняли, что что-то происходит прямо рядом с нами. И действительно, когда автобус приблизился, раздался дружный крик. Все махали руками в сторону медленно едущего пустого транспортного средства. И только тут мы заметили, что около окна в середине салона сидит простоволосая тётка, одетая в невыразительное платье и вяло помахивающая рукой в перчатке. Ближе к проходу, за королевой, а это была настоящая королева, сидел её муж, который может быть и выглядел попредставительней, но мы не смогли его разглядеть из-за того, что между нами и ним, как дворник на автомобильном стекле, ходила туда-сюда рука его венценосной супруги. Автобус проехал дальше, а мы остались одиноко стоять у дороги. "Наверное не надо было нам смотреть на это," - сказала Спутница, и мне показалось, что слёзы стоят у неё в глазах. "Вот так, походя, зачеркнуть половину детства..." - печально проронила она.. Видимо у неё ещё оставались иллюзии по поводу того, как выглядят короли.

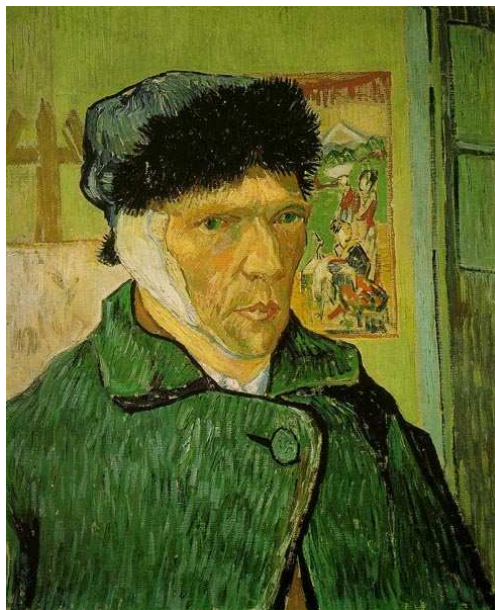
Королева Беатрикс

Король художников

На юбилейной выставке мне попалась брошюра, в которой излагались подробности событий, произошедших ночью 23-го декабря 1888-го года, когда Ван Гог отрезал себе ухо. Оказалось, что многое остаётся непонятым в поведении действующих лиц этой истории, и интерпретации настолько разнятся, что трудно понять, что же случилось на самом деле.

Итак, Винсент Ван Гог, 35-ти летний сифилитик и алкоголик, страдающий эпилептическими припадками, жил в Арле, деля жильё со своим коллегой и другом Гогеном, также имеющим возможность похвалиться представительной коллекцией болезней и пороков. Друзья, по пьяному делу, постоянно ссорились и мирились. Ван Гога терзали страхи, среди которых один был особенно сильным, - что Гоген в один не очень прекрасный день уедет, оставив его совсем одного. В этот день они очередной раз поссорились, Гоген куда-то ушёл, а когда возвращался домой, столкнулся с пьяным Ван Гогом, который напал на него и попытался ударить бритвой. Гоген, испугавшись, убежал и решил

ночевать не дома, а в гостинице. Ван Гог же, вернувшись домой, уже упомянутой бритвой отрезал себе левое ухо. Аккуратно положив ухо в конверт, Ван Гог отправился в местный дом терпимости, где передал конверт Рашели, молодой дебелий рыжей девице, лучшей работнице заведения. Он наказал ей хранить конверт, как зеницу ока. Рашель, заглянув в конверт, потеряла сознание, а Ван Гог поспешил домой, где, обмотав голову полотенцами, успокоился на полу. Там он, потерявшим много крови, и был обнаружен на следующее утро Гогеном, который и сдал Ван Гога в больницу. Гоген, посчитав, что с него приключений достаточно, из больницы пошёл на вокзал и уехал первым же поездом. Больше он Ван Гога в жизни не видел.

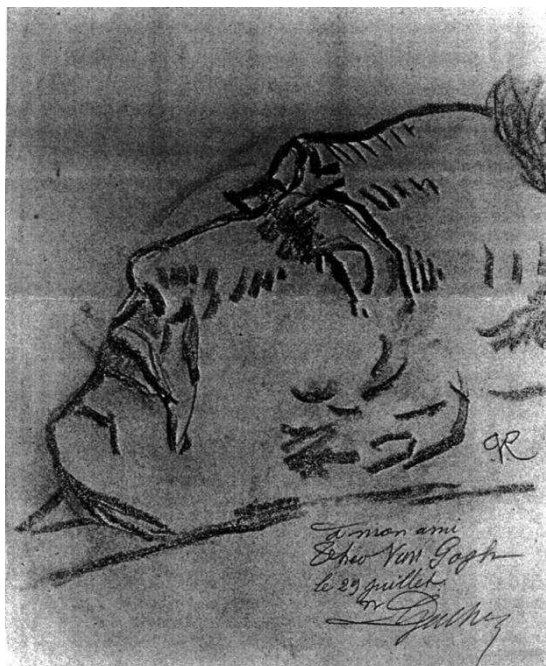

Ван Гог, Автопортрет с перевязанным ухом, 1888

Стоит отметить, что этой версией событий мы обязаны самому Гогену, и воспроизвёл он её только через добрый десяток лет после судьбоносной ночи. Что же заставило Ван Гога отрезать ухо? Это не очень понятно. В первую очередь неясно, чем был болен Ван Гог. Существует более тридцати возможных диагнозов, подходящих для описанных симптомов. Причин для психического заболевания предостаточно - плохая наследственность - старший брат покончил жизнь самоубийством, отравление свинцовыми добавками, входящими в состав красок, которые по легенде Ван Гог пожёвывал во время писания картин, или излишняя привязанность к абсенту, способному вызывать галлюцинации. Ещё говорят, что Ван Гог конкурировал с Гогеном за благосклонность рыжей Рашели, и что торжественная передача уха символизировала готовность на жертвы ради прекрасной дамы. Ещё по одной версии Ван Гога преследовали звуковые галлюцинации, которые и науськивали его на Гогена. А умом Ван Гог понимал, что не следует убивать, вот он и отрезал ухо, чтобы не слышать эти подстрекательства. В общем, объяснений хватает. К сожалению, есть несколько неувязок в рассказе Гогена, которые заставили меня усомниться в его правдивости.

В амстердамском музее есть посмертный рисунок лица Ван Гога, подписанный Ван Райсселем (по видимому, псевдоним), на котором отчётливо видно целое левое ухо художника. Кстати, не нужно удивляться тому, что на знаменитом

автопортрете у Ван Гога перевязано правое ухо - автопортреты рисуют смотрясь в зеркало, вот и уши меняются местами. И так, Ван Гог скорее всего ограничился лишь мочкой левого уха. Но тогда откуда большая потеря крови, о которой повествовал Гоген и которую подтвердили в больнице на следующий день? И как он, обильно истекающий кровью, бродил по улицам? Непонятно. То, что Ван Гог встречался с Рашелью подтверждено независимыми свидетелями. А вот что Ван Гог пришёл к Рашели с уже отрезанным ухом неочевидно. Как его окровавленного могли пустить на порог публичного дома? Почему Рашель потеряла сознание после того, как увидела ухо в конверте, а не раньше, увидев Ван Гога, истекающего кровью? Логичней предположить, что Ван Гог зашёл в дом греха с целым ухом, а вот уже вышел из него с неполным комплектом, оставив Рашель без сознания на рабочем месте. И вообще, когда Ван Гог очнулся на следующий день, он совершенно ничего не помнил. И только Рашель, навестившая его в больницу через несколько дней, рассказала ему о событиях той ночи. Так что же мы имеем? Мы точно знаем, что Ван Гог, поугав Гогена бритвой, отправился на встречу с Рашелью, после которой оказался с изуродованным ухом дома в бессознательном состоянии, и потерял много крови. Загадочная история однако.

П. ван Райссель (P van Rijssel), Ван Гог на смертном одре

Мысль о том, какое можно найти более логичное, чем общепринятое, объяснение событиям ночи 23-го декабря, постоянно преследовала меня. Казалось, что я не смогу продвинуться дальше и это так и останется для меня загадкой. Неожиданное озарение пришло, когда я рассматривал автопортрет Рембрандта, написанный в 1628-м году, и выставленный в Рейксмузееме в Амстердаме. Взгляд задержался на левом ухе художника, явным образом изуродованном. Распухшая воспалённая мочка, искривлённая форма ушной раковины, цвет, существенно отличающийся от цвета остальных деталей лица. Можно было только удивиться честности художника, столь детально изображавшего уродливу деталь своей внешности.

Рембрандт очень любил рисовать себя самого. Известно более сорока автопортретов и тридцати офортов с собственными изображениями Рембрандта. Эти портреты охватывают всю историю жизни художника, начиная с юных лет и заканчивая глубокой старостью. А история жизни Рембрандта была непростой. Живя на широкую ногу, не отказывая себе ни в чём, художник постоянно должен был думать о том, как расплатиться с долгами. К концу жизни, а умер он в возрасте 63-х лет, он был объявлен банкротом. Личная жизнь Рембрандта также была наполнена потерями и разочарованиями. Он пережил двух жён - Саскию и Хендрике. Судя по портретам, жёны были похожи друг на друга, обе ярко рыжие со светлой кожей, оттеняющей и подчёркивающей цвет волос.

Рембрандт, Автопортрет, 1628

Но вернёмся к автопортретам. Отличие левого от правого, правильного и здорового уха, сразу же бросается в глаза. То, что на всех автопортретах мы видим лицо художника с левой стороны, объясняется тем, что он должен был располагать мольберт по правую руку от себя, а соответственно зеркало находилось слева. Продолжив поиски я нашёл несколько объяснений уродства левого уха Рембрандта. Версия о наследственных причинах оказывается несостоятельной. По ранним автопортретам можно убедиться, что в юности ухо Рембрандта было совершенно нормальным. Неожиданное изменение внешности произошло в возрасте около двадцати двух лет. Одним из предположений является то, что Рембрандт, будучи большим модником, пытался вколоть в ухо серёжку, но получил заражение и воспаление, приведшее к опухлости, сохранившейся впоследствии. Это даже приводится в качестве примера первого достоверно подтверждённого случая вреда нанесённого пирсингом. Эта теория, хотя и объясняет странную форму мочки уха, не в силах дать объяснение повреждению ушной раковины, которое выглядит скорей, как последствия глубокого пореза.

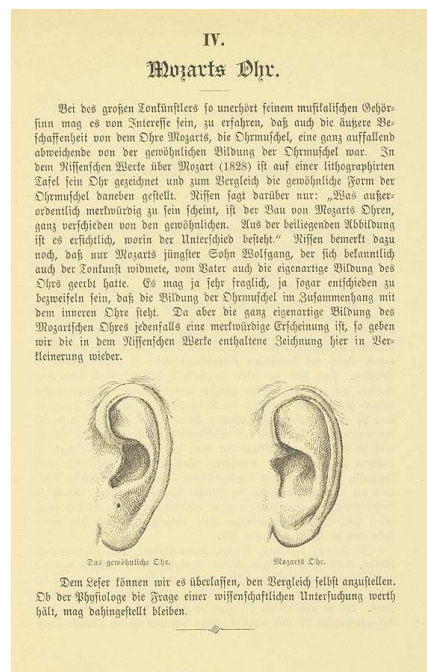
Рембрандт, Саския ван Уйленбург, 1633; Хендрике Стоффельс, 1650

Сходство историй Рембрандта и Ван Гога не давало мне покоя. Одно и то же повреждённое, по-видимому, глубоким порезом левое ухо. Присутствие рыжих женщин в их непосредственном окружении. Как это можно объяснить? А может быть это случайное совпадение? Я продолжил поиски.

Буквально первый же кандидат оказался подходящим по всем параметрам. Это был ... Моцарт. В 1828 году вдова Моцарта решила опубликовать биографию композитора, написанную ее вторым мужем, датским дипломатом Георгом Ниссенем. На странице 586-й она поместила рисунок - выполненный специалистом по анатомии: уши Моцарта - левое и правое. По свидетельству Ниссена, раковина левого уха Моцарта была развита ненормально. Чтобы это оставалось незаметным для окружающих, Моцарт всегда пользовался париками, скрывающими дефект. Каковы же версии происхождения этой аномалии? По одной из версий Констанце Вебер-Моцарт-Ниссен настояла на публикации этих сведений, чтобы положить конец сплетням о том, что ее младший сын - сын не Моцарта, а Зюссмайра, моцартовского ученика. Дело в том, что характерная форма левого уха Моцарта была якобы унаследована ее младшим сыном, и доказывала нелепость слухов. Констанце повезло, что она не дождалась наших дней, когда научно было доказано, что такие изменения не передаются по наследству.

Другую теорию выдвинул в докладе "Уникальная и до сих пор неизвестная теория о генетической, анатомической базе смерти Моцарта", представленном в 1981 году, в Вене, на международном конгрессе клинической химии, американский врач Раппопорт. "Как практикующий патолог я наблюдал случаи... различных генетических синдромов, в которых анатомические деформации уха и части мочевого тракта, а также функциональные расстройства, биохимические изменения и прочие, генетически коррелируются..." - сообщил докладчик. Эти выводы Раппопорт сделал на основе изучения рисунков ушей в биографии Моцарта. Вроде бы это всё объясняет, - злые слухи заставляют Констанце опубликовать рисунок ушей

мужа, а это даёт возможность американскому врачу поставить окончательный диагноз, - да здравствует современная медицина, а вместе с ней и страсть к сплетням, приводящая к столь впечатляющим результатам. Ан нет, Моцарт был вундеркиндом, и с детства находился под пристальным вниманием врачей. Его постоянно обследовали с ног до головы, пытаясь найти какие-то отклонения от нормы, объясняющие его необычность. Увы, дефект, мимо которого врачи заведомо не могли пройти, не отмечен ни в одном из многочисленных дошедших до наших дней документов. Так может быть Констанце говорила неправду? Такая ложь действительно была в её интересах. Так как Ниссен ни разу не видел живьём Моцарта, она могла использовать рисунки, сделанные с ушей сына, и утверждать, что так выглядели уши Моцарта, заодно обеляя свою репутацию. Увы и эта версия звучит сомнительно. Просмотрев множество портретов композитора, я обнаружил, что на детских портретах его ухо выглядит совершенно обычным и открыто для обозрения, так как волосы на парике, по тогдашней моде уложены высоко. В определённый момент, приближающийся к двадцатиднюлетию Моцарт вдруг переходит на закрывающие уши причёски. Простое сравнение с портретами того периода показывает, что никакого изменения в моде не произошло, - все продолжали ходить с открытыми ушами. А Моцарт, надо отметить, всегда следил, чтобы его внешний вид соответствовал последним веяниям. Значит что-то произошло, что заставило Моцарта скрывать уши, и Констанце не могла об этом не знать, - ведь они познакомились, когда Моцарту только-только исполнился двадцать один год. Поняв всё это, я решил уточнить ещё одну маленькую деталь. Я набрал на компьютере запрос в Гугле: "Цвет волос Констанце Моцарт". Моментально полученный ответ полностью совпал с ожидаемым!

Уши Моцарта

Итак, есть три уха. Три левых уха, повреждённых при схожих обстоятельствах. Я решил не продолжать поиски, а попробовать разобраться. Прежде всего нужно было понять, почему все уши левые. Кажется они ничем не должны отличаться от правых. Оказалось, что это не совсем верно. Причём выяснилось

это совсем недавно. Как обнаружили исследователи из Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе, уши человека от рождения принципиально по-разному воспринимают и обрабатывают улавливаемые ими звуковые колебания. Правое ухо лучше улавливает акустические сигналы, напоминающие по своей структуре речь, а левое — оказывается изначально как бы “настроено” на музыку. Иными словами, одним мы лучше слышим, что нам говорят, а другим — что поют и играют. Сотрудница университета Ивонн Сайнинггер и ее коллеги провели исключительно тонкое исследование на полутора тысячах новорожденных, в уши которым были установлены миниатюрные датчики. Результат оказался ошеломляющим. В правом ухе младенца соответствующие клеточные структуры внутреннего уха улавливали и усиливали исключительно сигналы, напоминающие речь, и через нервные волокна ретранслировали их в левое полушарие головного мозга. В левом же ухе происходило усиление музыкальных сигналов и их передача в противоположное полушарие мозга. То есть для таких художественных натур, как Рембрандт или Моцарт, повреждение левого уха представляется более травмирующим. А как же с Ван Гогом? А попробуйте-ка отрезать себе кусочек правого уха, держа бритву в правой руке!

Король перчаток

До нашего отъезда из Эйнховена оставалось несколько дней. Маргрит продолжала соблюдать нейтралитет и мало с нами общалась. Неожиданно она заявила к нам на третий этаж. Для такого визита должна была быть по-настоящему серьезная причина. Оказалось, что на следующий день возвращается её муж из командировки, но это не повод для анекдота, а совсем наоборот, повод для радости, и мы приглашены вечером спуститься в салон для совместной трапезы. Хорошенько поев перед званым ужином, - а что ещё можно было от нас ждать после предыдущего неудачного опыта, мы появились в гостиной. К нашему ужасу, мы обнаружили, что стол обильно уставлен закусками и угощениями, и поняли, что в жизни нашлось место подвигу, и нам придётся демонстрировать аппетит и радость, к которым наши организмы были абсолютно не готовы. Петер, так звали мужа, в галстук и пиджаке, уже с важным видом восседал за столом. Он, на удивление, оказался весьма живым и остроумным человеком, очень не похожим по характеру на свою варёную супругу. "Неудивительно, что он так много времени проводит вдали от неё," - подумал я. Петер выпил немного водки, покраснелся, распустил, но не снял, галстук, и приступил к подробным вопросам. Его интересовало всё, что происходит в Советском Союзе, он громко выражал свою любовь к Горбачёву, перестройке и всему, о чём выслушивал от нас. Я поинтересовался, собирается ли он вести какой-нибудь бизнес с советскими, на что он замахал руками, и к моему удивлению сказал: "Да ни за что на свете. С меня достаточно!" Было ясно, что сама эта мысль доставляет ему болевые ощущения, и он хотел бы её отогнать от себя подальше. Я же занудливо продолжал настаивать на объяснениях, и Петер сдался. "Хорошо," - сказал он, - "Я расскажу вам, как я вёл бизнес с коммунистами." Вот что он рассказал:

"В нашей семье мужчины издавна занимались изготовлением перчаток. Мои далёкие предки пользовались славой изготовителей самых мягких и элегантных перчаток, которые поставлялись в том числе и ко двору российских царей. Мой дед решил, что штучное создание перчаток, даже самых лучших, недостаточно

для настоящего успеха. Он начал изготавливать рабочие перчатки и рукавицы, которые требовались во всё больших количествах. Мой отец расширил производство, и постепенно ввёл в дело меня. Мы работали с самыми лучшими поставщиками кож, и смогли постепенно завоевать рынок. Я последние двадцать лет руковожу компанией, и мы на данный момент являемся самым крупным поставщиком рабочих перчаток в Европе. Наше производство в основном переехало в Юго-Восточную Азию, где затраты на изготовление перчаток существенно ниже, и есть возможность покупать дешёвую и качественную кожу. Но тут началась ваша перестройка. Мы, на Западе, очень обрадовались. Казалось, не будет больше международной напряжённости, люди начнут жить спокойней и радостней. Наше правительство очень хотело помочь, а что может быть лучше помощи людям, чем открытие новых производств, современных и конкурентоспособных, которые смогут продавать отличную продукцию по всему миру? Мне на глаза попало объявление о том, что наше правительство оказывает специальную помощь предпринимателям, открывающим совместные предприятия со странами Восточного блока. Я загорелся этой идеей, и после некоторых колебаний остановился на Румынии. Я несколько раз съездил в Бухарест, встретился с министром промышленности. Он был невероятно приветлив, все мои пожелания немедленно выполнялись. Мне показали образцы кож трансильванских коров, которые были выше всяких похвал, намного лучше китайских. Зарплаты рабочих были, по западным понятиям, очень низкими. Да и строительство завода оказалось неправдоподобно дешёвым. Договор был заключён, голландское правительство финансировало большую часть сделки. Завод был построен и запущен с опережением графика, станки были завезены из Голландии, и он начал выпускать продукцию. Неожиданно оказалось, что кожи, поставляемые на завод, не имеют никакого отношения к тем, которые мне до этого показывали. Более того, оказалось, что другой кожи нет и не будет, разве что можно было истребить всех местных коров и завести новых. Перчатки из этой кожи никуда не годились, и мне ничего не оставалось, кроме как поехать в Азию и договориться о поставке партии кожи оттуда. Это уже делало производство не очень выгодным, но я воспринимал это как временное преходящее явление. Наконец завод снова начал выпускать перчатки, которые поступили в продажу. Не прошло и недели, как на нас со всех сторон посыпались жалобы, проданные перчатки стали возвращаться. Дело в том, что у рабочих перчаток существует единый размер. Эти перчатки должны надеваться почти на любую руку. Перчатки, вышедшие из румынского завода, налезали разве что на детскую руку, так как были существенно меньшего размера. Как это могло случиться, было совершенно непонятным. Все настройки станков производились в Голландии. Но оказалось, что нашлись какие-то местные умельцы, которые смогли перенастроить станки на меньший размер. Появившиеся излишки кожи разворовывались. Тогда я прислал инженеров, которые вернули настройки в исходное состояние, и поставили специальные защитные приспособления, не позволяющие никому постороннему вмешиваться в работу устройств. Я сумел сбыть за бесценок уже произведённые перчатки во Вьетнаме, там размер оказался подходящим. Теперь казалось всё должно было заработать. Не тут-то было, когда выяснилось, что уже нечего воровать, рабочие стали вредить. За долгие годы жизни при коммунизме они привыкли к ситуации, в которой основным источником их существования являлась не зарплата, а украденное на производстве и проданное на чёрном рынке. Без возможности украсть они не

видели смысла в работе, и засовывали в станки куски жести, камни, и другие неподходящие предметы. Станки ломались, я посылал каждый раз группу инженеров чинить неисправности. Когда я увидел финансовые результаты первого квартала, у меня глаза полезли на лоб - я ожидал быть в убытке, но чтоб в таком! Я понял, что просчитался, - надо ехать к моему другу - министру промышленности Румынии, он обещал помогать мне в случае любых проблем. Я позвонил в его секретариат, и договорился на определённый день и час. Точно в назначенное время я был около его кабинета. Прождав час, я попросил секретаршу выяснить что происходит. Она сообщила, что министра срочно вызвали в Совет Министров, совещание задерживается и, хотя он очень, ну просто очень, хочет встретиться со мной, сегодня никак не получится - совещание затягивается до ночи. Я сказал, что готов задержаться ещё на день. Секретарша пошла проверять и через некоторое время вернулась и сообщила, что, к сожалению, министр выезжает завтра с делегацией в зарубежную поездку, и будет только через неделю. Но он очень, очень хочет с Вами встретиться! Я попросил назначить мне время встречи через месяц. Приехав на новую встречу, я без удивления узнал, что министр находится на экстренном заседании Совета Министров, которое неожиданно затягивается, но он очень, очень хочет со мной встретиться, какая жалость, что всё время что-то мешает. Тогда я поставил кресло посреди секретариата, сел в него, и сказал, что никуда оттуда не уйду, пока не смогу поговорить с министром. Через три часа секретарша, убедившись, что я слов на ветер не бросаю, начала обзванивать каких-то людей, что-то возбуждённо лопотала, и очень переживала. После короткой часовой паузы ей перезвонили. Её лицо приняло трагическое выражение. В её глазах появились слёзы. Она торжественно встала передо мной, я естественно тоже вскочил. "Ужасные новости," - сказала она, - "Даже не знаю, как Вам об этом сообщить. Только что позвонили из Совета Министров. На экстренном совещании принято решение уволить нашего министра. Нового министра назначат в лучшем случае через три месяца. А уже бывший сюда не вернётся, так что не стоит Вам здесь ждать. Не будете же Вы рассиживаться здесь три месяца." Я понял, что у меня нет никаких шансов их переиграть - они изобретательней меня. На всякий случай я через несколько дней проверил действительно ли сняли министра. Ну что ж, меня не обманули, моего министра уволили из этого министерства, но перевели в министерство здравоохранения, на должность министра. Завод я конечно закрыл, понёс огромные убытки. Для меня это стало уроком. Теперь меня за границей, отделяющей Западную и Восточную Европы, уже можно будет встретить только в качестве туриста, да и то вряд ли."

Петер глубоко вздохнул и отпил из стакана. Он и сам не заметил, как очень разгорячился во время рассказа. Его глаза горели, он, в несвойственной голландцам манере, активно жестикуюлировал и говорил на повышенных тонах. "Надеюсь, Вы не приняли эту историю на свой счёт и не обиделись," - примирительно и намного более спокойным тоном сказал он.

В день отъезда, Петер предложил отвезти нас на вокзал. Мне показалось, что он несколько неуютно чувствует себя дома и старается избегать возможности оставаться с Маргрит наедине. С нами он вёл себя намного свободней, шутил и смеялся, но при появлении Маргрит тут же замолкал и как-то покорно пытался поймать направление её взгляда.

Когда Петер отвозил нас на станцию, он разоткровенничался, а перед прощанием печально сказал: "Мой завод находился в части Румынии, где по преданию жили вампиры. Я теперь верю в их существование, так как за время моих румынских приключений у меня выпили немало крови. Но это не идёт ни в какое сравнение с количеством крови, которое из меня высасывают дома."

Подданный его королевы

Спутнице кто-то посоветовал попытаться разыскать в Голландии бывшего московского математика, по имени Леонид, которого могли заинтересовать её математические изыскания. Без особого труда обнаружив его в справочнике Католического Университета города Наймегена, она созвонилась с ним и договорилась о выступлении на семинаре. Через несколько дней мы приехали туда на автобусе. Леонид оказался маленьким полным мужчиной с весьма заносчивой внешностью. Как многие люди небольшого роста, он был очень амбициозен, весьма уважал себя и не считал нужным скрывать это уважение от других. Его подбородок постоянно находился в приподнятом состоянии, и хотя я был минимум на пол-головы выше него, он умудрялся вести разговор со мной свысока. Всем своим видом он демонстрировал, что очень занят, но вынужден отвлекаться от высоких мыслей по пустякам, но раз уж он отвлёкся, то, так и быть, одарит нас несколькими жемчужинами из кладези своей мудрости. Он медленно цедил слова, нисколько не интересуясь ни нашей реакцией, ни вопросами, которые мы задавали. Время от времени он замирал, углубляясь мыслями в что-то неведомое и недоступное простым смертным, так же неожиданно возвращаясь в реальный мир с продолжением прерванного вещания.

Лёня, он предложил называть себя по-свойски, прежде, чем попасть в Голландию, работал в Москве, в одном из ведущих учебных заведений. Когда же возникла возможность уехать, не задумываясь бросил свою прекрасную квартиру на площади Маяковского, и двинул в Израиль. Там проработал несколько лет в еврейском университете Иерусалима, и затем перебрался в Голландию, где и проживал последние годы, трудясь в наймегенском университете. Об Израиле отзывался уважительно. Сказал, что любит эту страну, и ни за что бы не уехал, если бы не проблемы. Какие это проблемы выяснить не удалось, так как Лёня вёл речи, независимые от наших вопросов.

Когда Спутница вместе с Лёней вышла из комнаты семинаров, я понял, что моё вмешательство может оказаться необходимым, чтобы предотвратить преждевременное появление свободной ставки на факультете математики в наймегенском университете. Мизансцена напоминала последнюю картинку-иллюстрацию из детской книги о Рикки-Тикки-Тави, - змея ещё важно шипит, оставив выгнутую дугой блиновидную шею и высунув тонкое дрожащее раздвоенное жало, но рыжая мангуста уже оскалилась, готовясь к заключительному молниеносному и смертельному прыжку, который покончит с противником навсегда. Лёня, не чувствуя нависшей опасности, вещал. По его словам выходило, что все математики, увлекающиеся исследованиями в этой области, просто не понимают, чем и как нужно заниматься, и это по одной-единственной причине - они не знакомы с работами одного голландского

математика из Наймегена. После чего началось долгое и занудливое изложение идей, имеющих весьма опосредованное отношение к исследованиям Спутницы. Я почувствовал, что настал час моего выхода и спросил: "А подано ли кушать?" Лёня вздохнул и велел нам садиться в его машину, запаркованную неподалёку.

Было ещё непоздно, только начало темнеть, и мы в гробовом молчании доехали до Лёниного дома. Дом находился посреди парка, засаженного елями, он был хотя и двухэтажный, но огромного размера. В сумерках он казался зловещим и безжизненным. В салоне, почти без мебели, в углу терялся королевский рояль, а так как стола не было, на крышку инструмента была выставлена вместе с тремя бокалами бутылка шампанского, очень сухого и щиплющего язык. Мы выпили без закуски. Так как после предыдущей еды прошло изрядно времени, шампанское ударило в голову. Я осмотрелся. На стенах висело несколько картин. Среди них выделялись иерусалимские сюжеты со Стеной Плача и портрет какой-то девушки с роскошными рыжими волосами. Напиток подействовал на хозяина удивительным образом, - черты лица его расправились, брезгливое выражение исчезло, появилось некоторое подобие улыбки, и главное - у него раскрылись глаза, - оказалось, что у Лёни имеются в наличии огромные и красивые печальные еврейские глаза, которые он перестал презрительно щурить. Наконец завязалась беседа, в которой все принимали участие на равных. Лёне был не чужд юмор, он оказался любопытным, и расспрашивал о нашем мнении по разным вопросам. Вдруг одна из дверей, ведущих в салон приоткрылась, и в комнату проскользнула старушка, оказавшаяся Лёниной мамой. Первое, что она спросила после выяснения наших исходных данных, это собираемся ли мы ехать в Израиль. Услышав утвердительный ответ, очень обрадовалась и сообщила, что всё хорошее, что произошло с ней, уместилось в несколько лет жизни в Израиле, и ей очень одиноко и грустно, что они с Лёничкой вынуждены жить в Голландии. Лёня с обожанием смотрел на мать, даже не пытался возражать. Стало понятно, что нас привезли, чтобы внести хоть какое-то разнообразие в бедную на события рутину её жизни, и после нашего отъезда она ещё долго сможет с сыном обсуждать детали нашего визита. Лёня поторопил нас - был заказан ресторан. Старушка начала прощаться. Вдруг её лицо сморщилось, показалось, что она вот-вот зальётся слезами. "Я живу во дворце и в общем-то грех жаловаться на что-то, пожалуй кроме здоровья, но тут никто не сможет помочь. Но если мне кто-нибудь предложит, - брось всё и переезжай жить в маленькую трёхкомнатную квартиру в Тель-Авиве, я не буду колебаться ни секунды и тут же соглашусь. Вы меня поняли?"

Ресторан был французский, Лёня фонтанировал историями, он прекрасно ориентировался в современной литературе и искусстве. Его комментарии отличались глубокой, подчас парадоксальной, аргументацией. Замечательное чувство юмора служило отличной приправой к этому пиршеству духа. Пиршество плоти тоже шло своим чередом. В качестве главного блюда подали роскошный филе миньон. Причём Лёня заказал его степени готовности "синьён", ещё более сырой, чем "рэйр", то есть при приготовлении филе обжаривается считанные секунды с обеих сторон, что даёт скорее окрас тончайшей корочке, оставляя мясо внутри нетронутым. Когда Лёня разрезал филе, нож покрылся кровавым налётом. Я поинтересовался, не ощущает ли Лёня себя вампиром, когда ест такое блюдо. Лёня сообщил, что много читал и

размышлял про истории с вампирами в контексте взаимоотношений евреев с христианским миром, а опыт жизни в Голландии добавил немало к пониманию ситуации. И тут он рассказал нам о теории, объясняющей причины возрождения интереса к вампирам в двадцатом веке, которая показалась мне не лишённой интереса. Я чуть позже вернусь к более подробному изложению этой теории, а пока нам подали десерт, причём Лёня заказал кофе с сигарой и горький ликёр. Вместе с уже двумя ранее оприходованными бутылками "бордо", это подействовало на него размягчающе, - он вдруг стал жаловаться на жизнь, которая его бросает из стороны в сторону, на математиков, которые не хотят разобраться в его идеях, на голландцев, которые ему чужды по мировосприятию. При этом Лёня вместо того, чтобы употреблять "я", начал говорить "подданный моей королевы". Он так нам намекал на своё голландское гражданство. Мы ему рассказали о нашем недавнем знакомстве с его госпожой. Но Лёня уже не слушал. Он заплакал и сказал: "Вы не представляете себе, как они мне завидуют". "Кто?" - в один голос спросили мы. "А все," - сухо ответил подданный его королевы, и начал перечислять. Список начался со всех его нынешних и прошлых коллег по математическому департаменту, потом перешёл на неведомых нам соседей, среди которых выделялся своей ну просто гугалиново-черной завистью человек по имени Хенк, и уже подбирался к друзьям юности и детства. Всех перечисленных вместе с их завистью Лёня видел исключительно в гробу. Я мог подумать только об одном способе остановить чтение этого скорбного мартиролога. "А не выпить ли нам ещё где-нибудь?" - спросил я и этим перевёл скоростной поезд мысли нашего друга на новые рельсы. Потом мы переходили из паба в паб. В одном из питейных заведений обнаружился рояль, за который уселся Лёня, оказавшийся прекрасным музыкантом, а мы со Спутницей под его аккомпанемент исполняли песни народов мира. Хозяин, видя счастливых от бесплатного развлечения посетителей, отказался брать плату за пиво, и подарил на память пепельницу с эмблемой заведения. Потом мы тащили Лёню к машине, приводили его в чувство, чтобы он быстрее отвёз нас на автобусную станцию - мы опаздывали на последний автобус, потом мы долго клялись друг другу в вечной любви. "Ребята," - кричал Лёня, - "В следующий раз вы останавливаетесь только у меня! У меня есть замечательная комната для гостей, и мама будет очень рада!" Он отправился домой, а мы пошли к автобусу.

На остановке оказалось, что я, проверяя, когда отходит последний автобус, посмотрел в воскресное расписание, а вот в будние дни последний автобус уже ушёл во время наших прощальных поцелуев. "Что будем делать?" - спросила Спутница. "Никаких проблем," - ответил я. - "У нас есть здесь хороший друг и прекрасный человек - Лёня. Мне кажется, что он по нам уже соскучился. Я ему сейчас же позвоню, и он нас пригласит к себе и маме." Мне ответил, перешедший уже в утреннее состояние, Лёня. Выслушав меня, он сухо процедил: "Рядом со станцией есть гостиница, у них всегда есть свободные номера," и положил трубку, даже не пожелав спокойной ночи.

Короли света и тьмы

Когда мы пировали с Лёней в наймегенском ресторане, он изложил нам свою теорию по поводу вампиров, голландцев и евреев. Вот, что он рассказал:

“Вы спросили меня, не вампир ли я? Мне кажется, что с точки зрения многих голландцев, я действительно вампир. Могут ли вообще евреи быть вампирами? Этот вопрос меня давно занимает. С одной стороны, вроде бы евреям запрещено употреблять в пищу кровь, недаром мясо, из которого не удалена кровь, положено солить и ждать, пока оно не обескровится, и только тогда оно считается кошерным. С другой стороны, евреев столько раз обвиняли в употреблении христианской крови. Как же одно могло сочетаться с другим? И почему на эту тему приходится размышлять в Голландии? А потому, что в Голландии ты всё время вынужден решать для себя, каким образом ты, с одной стороны, можешь сохранить свою индивидуальность, которая в существенной степени определяется твоим еврейским происхождением, и в то же время, с другой стороны, постараться всё-таки не чувствовать себя совсем чужим.

Надо сказать в выборе Наймегена в качестве место проживания, для меня было немаловажным, что это было первым местом поселения евреев на территории Голландии, в 1404-м году. Тут и сейчас живут кое-какие евреи, хотя похоже и они меня своим не считают. Ну и ладно, им же хуже. А я, чтобы как-то вжиться в окружающую действительность всё время искал книги, где были бы описаны взаимоотношения голландцев и евреев. Кстати, кто является самым знаменитым и издаваемым голландским писателем двадцатого века? Вот и не угадали, - это еврейка Анна Франк, которая-то и голландкой не очень была, так как приехала из Германии. Так вот, я прочитал немало книг, художественных и документальных, исторических и фантастических, в которых описывалась жизнь евреев в Голландии. И это совершенно ничего не добавило к моему пониманию голландцев. Как до этого я видел какого-нибудь улыбающегося мне дядьку, и не мог понять, даже приблизительно, добра или зла он мне желает, так же, как не понимали это 140 тысяч голландских евреев, очень удивившихся, когда их, при активной помощи такого родного и милого местного населения заталкивали в вагоны, направляющиеся в лагеря смерти. А ведь эти евреи, в большинстве своём, могли предъявить несколько поколений своих предков, живших на этой земле. Что же говорить обо мне, с моим без году неделя стажем? И вот как-то мне попадает в руки книжонка про вампиров, можно сказать, классика этого жанра - "Дракула" Брэма Стокера. А я, надо сказать, был небольшим поклонником этого жанра, как в литературе, так и в кино. Но, несмотря на это, начал читать, с мыслишкой, что выброшу с брезгливостью эту книгу в корзину для мусора, прочитав две-три страницы, как вдруг что-то внутри меня переключилось, да так, что я не оторвался от книги, пока не дочитал её до конца. А прочитав, почувствовал, что теперь мне будет значительно проще общаться с местными. Вы спросите, где в "Дракуле" написано про голландцев? А про Ван Хельсинга, знаменитого охотника на вампиров, позабыли? Да и автор, Брам Стокер, хоть и жил в Ирландии, был по происхождению голландцем. Имя Брам, это сокращённое Абрахам, так в Голландии принято. Автор этим же именем наградил и своего главного героя, видно отождествлял себя с ним. Вам кажется, что в книге нет ни одного еврея? Вы в чём-то правы. Но я разгадал замысел автора, - он пишет "вампир", а подразумевает "еврей". И не надо смеяться. Я сейчас докажу, что Дракула, по авторским представлениям, был евреем. Но сначала я объясню, как мне это помогло. Я, как только глубоко осознал мысль автора книги, сразу начал вести себя по другому. Любой голландец с тех пор для меня - это Ван Хельсинг, и задача его меня извести. А я обладаю сверхъестественной силой, особенно мне

хочется, чтобы собеседник мой как-нибудь отвлекся и отвернулся, тут у меня просто зубы чесаться начинают, так и хочется вонзить их в мягкую шею. И вот раньше, до того, как я сжился с этой мыслью, я чувствовал, что у людей, с которыми я разговариваю есть ощущение собственного превосходства надо мной, - а как же, они ведь коренные голландцы, а я какой-то эмигрантишка, хоть и не без способностей. А вот как стал я внутренним вампиром, сразу же почувствовали, что есть в нашем общении какая-то сверхъестественная подоплёка, объяснить себе в чём-же дело не могут, но слабеют, и, на всякий случай, уступают во всем. С тех пор, как я "стал вампиром", у меня всё идёт успешно, и работа, и дом, да и на отношения с людьми пожаловаться не могу, хотя друзей у меня здесь нет. Да и не может быть, - какая дружба между вампиром и охотником? И ещё вдруг я заметил, что со мной какие-то изменения начали происходить. Например, на распятие я раньше смотреть мог спокойно, а теперь прямо дрожь бить начинает, кажется так и разорвёт на кусочки. Ну от солнечного света я ещё в Израиле прятаться начал, да и в зеркало на себя особенно никогда не заглядывался. А чеснок вот когда-то любил. Но я вижу, что вы с нетерпением ждёте доказательств моего тезиса о том, что понятия "вампир" и "еврей" идентичны. Вот послушайте.

Книга Стокера была написана в 1897-м году. Конец 19-го века, начиная с середины которого достаточно гомогенное в религиозном и этническом планах английское общество, подвергалось достаточно болезненной трансформации. В Англию хлынули эмигранты из разных стран мира, среди которых евреи из Восточной Европы составляли немалую часть. Ничто больше для консервативного английского обывателя не символизировало понятия "чужой", чем еврей, практикующий другую религию и ритуалы, отличающийся языком и странными диетическими ограничениями. Я утверждаю, что книга, написанная Стокером, стала столь популярной как раз в связи с тем, что она смогла выразить глубокий и необоримый страх перед неведомым - чужим. И весь этот ужас персонифицировался в монстрах, дружно вошедших в культурный контекст того времени, возглавляемые Дракулой. Монстры - от латинского "монструм" - божественное предостережение. От чего или от кого мог предостерегать всевышний? Конечно же от же от неверных, в данном случае евреев. Тут нужно понимать, что христианство до конца 19-го века являлось основой и главным объединяющим фактором европейской цивилизации. Исповедующий любую другую религию считался еретиком, слугой Дьявола, и вынужден был вести свою жизнь вне доминирующего христианского общества. Соответственно ещё со Средних Веков христиане приписывали евреям замечательные привычки и ритуалы. Так, в соответствии с "кровавым наветом", евреи похищали христианских младенцев, в синагогах их резали и использовали кровь для питья и еды. Немало еврейских общин было стёрто навеки на основе такого обвинения. Но только кровепитием наветы не ограничивались. Многие христиане верили, что евреи способны восставать из мёртвых, так же как и возвращать из мира иного своих соплеменников. Чтобы избежать этого, в некоторых местах при казнях и убийствах евреев, им отрубали головы, предварительно вбивая деревянный кол в сердце. То есть весь арсенал борьбы с вампирами, не выдуман, а был практически опробован и признан эффективным при борьбе с детьми Сатаны.

Эти антисемитские предрассудки, столь популярные в христианском мире, приняли гипертрофированные формы в последнее десятилетие девятнадцатого века. Тектонические сдвиги в сознании людей - место религии начала занимать наука, женщины освобождались от тотальной зависимости от мужчин, города росли и их перенаселённость приводила к нищете и массовому распространению заразных болезней. Да ещё и Дарвин тут подоспел со своей теорией, которая нанесла серьёзный удар по непогрешимости и бесспорности религиозных догм. Требовалось невероятное умение приспособливаться, чтобы безропотно воспринимать такую ломку всей системы основополагающих понятий. Большинство людей конечно же испытывали немалый дискомфорт от этих изменений, и впадали в панику и отчаяние, - их цивилизация погибала на глазах, их удобная и налаженная жизнь рушилась. Как тут не начать обвинять посторонние и потусторонние силы в злонамеренном желании разрушить цивилизацию, заразить весь мир смертельной инфекцией. Массовое бессознательное требовало создания образа врага, виновного во всех бедах. Евреи подходили для этой цели по всем параметрам кроме одного - их можно было увидеть, и в немалых количествах, в повседневной жизни. После этого наделять их сверхъестественными возможностями становилось сложной задачей. Действительно, тебе объясняют, что евреи летают, а ты только что видел одного еврея, который ну ни при каких обстоятельствах взлететь не сможет. Поэтому должны были появиться герои, которых не составляло труда наделить всеми желанными отрицательными еврейскими чертами, и в то же время не вызывающие бытового недоверия. Эту роль и выполнили вампиры.

Поразительно насколько стокеров Дракула похож на еврея. Его внешность - это стереотипная внешность восточно-европейского еврея: тёмноволосый и бледный обладатель крючковатого носа. У Дракулы странный акцент, он часто путает "б" и "в", "т" и "с", что характерно для говорящих на идиш. Более того, в точном соответствии с антисемитскими представлениями, Дракула - эгоист, интересующийся только материальным благополучием. Он не имеет родины, не связан ни с каким конкретным народом, и появляется в Англии из-за границы, отделяющей христианскую цивилизацию от мира дикости и безверия. Его главное занятие - это охота на невинных христиан. Дракулу часто сопровождают крысы - символы чумы, которая по поверью была невластна над евреями, заключившими договор с Дьяволом. Жадность вампира не имеет границ. В одном из эпизодов, из порванного кармана Дракулы высыпаются монеты и ассигнации. Вместо того, чтобы исчезнуть, - а ему грозит опасность, Дракула делает это только собрав с пола все выпавшие деньги.

Дракуле противостоит Ван Хельсинг со своей "командой света". Его задача разрушить сатанинские планы Дракулы. Если Дракула наделён живыми чертами, его реакции и поступки, несмотря на их сверхъестественность, понятны и мотивированны, Ван Хельсинг выписан очень схематично. Сумасшедший профессор из Амстердама, списанный Стокером с Роберта Рузвельта, тоже голландца, дяди американского президента Гедди Рузвельта, олицетворяет преданность христианской идее. Набор инструментов для борьбы с вампирами у Ван Хельсинга совпадает с хорошо испробованными на евреях в Средние Века орудиях пыток и казней. В противоположность Дракуле, вся "команда света" демонстрирует полное отсутствие интереса к каким-либо материальным благам.

Интересно, что когда образ Дракулы появился в кино, его не стеснясь наделили еврейскими чертами. Вот посмотрите, у меня в бумажнике есть фотография, воспроизводящая эпизод из фильма "Дракула" 1931-го года. Дракулу исполняет Бэла Лугоши. Прекрасно выглядит не правда ли? А как Вам нравится магендовид у него на груди? Ну, теперь Вы мне поверили?

Бэла Лугоши в роли Дракулы, 1931

Дракула, в переводе с валашского, это "сын Дракона". И я чувствую себя бесстрашным еврейским драконом, сыном дракона, сражающимся и готовым умереть в борьбе с силами, которые меня хотят уничтожить. И я буду биться до последнего!"

Так закончил свою историю Лёня. Финал его речи получился излишне патетическим, но, учитывая количество выпитого к тому моменту, мы восприняли его запал положительно и выразили готовность встать и сразаться с Лёней плечом к плечу, крылом к крылу, а также хвостом к хвосту.

После того, как мы покинули Наймеген, никакие сведения о судьбе Лёни до нас не доходили. Потом как-то мы узнали, что он вынужден был уехать из Голландии, вроде бы были какие-то сокращения в системе высшего образования. А ещё через несколько лет, ещё будучи довольно молодым, он умер в Париже, при не очень понятных обстоятельствах.

Ответный ход короля

На конференции, которая проходила в Велдховене, небольшом городке недалеко от Эйндховена, мы познакомились с Яковом. Впервые мы его увидели, одиноко сидящим за столом в ресторане гостиницы. Он печально жевал, глядя

не в тарелку, а куда-то в пространство. Еда его явно не интересовала, он размышлял о вечном. В глазах его разливалось море тоски. "Тяжело быть евреем," - сказал я Спутнице, кивнув в сторону едока печального образа, ещё не зная, о ком я это говорю. Яков был израильтянином. Ему было около пятидесяти, но он был совершенно седым, с круглым лицом, носом, изуродованным небольшой вмятиной на переносице, и большими светлыми глазами, которые никогда не улыбались, даже когда их владелец заливался смехом. Яков был обстоятелен, на все вопросы об Израиле отвечал очень подробно, с большим количеством деталей. Предложил нам связаться с ним сразу же, как мы приедем в Израиль.

Когда я позвонил ему уже из Тель Авива, он очень удивился, - "Сказать по правде, я был уверен, что это просто разговоры и вы не приедете". Яков работал в университете, и скоро, воспользовавшись его помощью, я уже мог приходить туда и работать на компьютере и в библиотеке. Яков познакомил нас со своей женой Сарой, приятной миниатюрной рыжей женщиной, которая поначалу обычно молчала. Через некоторое время я официально стал коллегой Якова. Мы продолжали дружить с Сарой и Яковым, - время от времени ходили друг к другу в гости или выходили поужинать.

Яков приехал в Израиль в середине пятидесятых, когда ему было пятнадцать. Надо сказать, даже коренные израильтяне не могли распознать в нём бывшего "оле хадаша", - акцента в иврите у него просто не было. Судьба его изрядно потрепала до переезда. Он родился в Венгрии, в самом начале войны, и в возрасте чуть более года оказался с родителями в лагере смерти Берген Бельзен, чего он конечно совершенно не помнил. После освобождения, а ему повезло больше родителей - он выжил, его приняла семья родственников из Будапешта, где он рос вместе с другими детьми, и, хотя ничем обделён не был, не забывал, что он не родной ребёнок. Семья была ортодоксальной, Яков учился в религиозной школе, где наукам слишком большого внимания не уделялось. В 1956-м году в Будапешт вошли советские войска, чтобы подавить "антикоммунистическое" восстание, и в первую же ночь после вторжения, пятнадцатилетний Яков, потратив все свои сбережения на оплату проводника и коротко попрощавшись с не возражавшей против его планов приёмной семьёй, вместе с небольшой группой перешёл границу с Австрией. Шли они в темноте, последний бросок был через большое поле, покрытое глубоким снегом. У Якова был небольшой чемоданчик. Несколько часов они брели, увязая в снегу и падая, через поле, в постоянном страхе, что их вот-вот обнаружат, и начнут в них стрелять. Рассказывая об этом, Яков всегда гордо говорил, что он был единственным, кто ни разу не упал. Всё обошлось и граница осталась позади, а Яков оказался в Вене, откуда через несколько месяцев был переправлен в Израиль. Это был как-раз период наибольшего наплыва еврейских иммигрантов из арабских стран, мест для размещения вновь приехавших не хватало, и Яков оказался на юге страны, где вместе с группой выходцев из Марокко осваивал иврит и науки. Жили сначала в палатках, потом переехали в наспех сооружённые бараки, в которых невозможно было находиться днём, так как они раскалялись от палящего солнца. Он оказался очень способным учеником, через год уже говорил на иврите неотличимо от местных, и в математике, которую до этого по существу не учил, существенно превосходил соучеников. Поступив в Технион, на инженерное отделение, стал одним из лучших студентов, написал

диссертацию, и после нескольких лет пост-докторантуры в университетах США и Канады, вернулся в Израиль. Когда он учился в Технионе, познакомился с Сарой, которая закончила что-то краткосрочно-экономическое и работала в банке. С Яковом нам было общаться намного проще, - он как-то мог понять, что происходит с людьми, находящимися в процессе стремительной ломки привычек и стереотипов. Сара же сразу начала снисходительно объяснять нам, что и как мы должны думать и понимать, считала себя многознающей и умудрённой опытом, наши аргументы и вопросы в разговорах, как правило, натыкались на "вы тут ещё не пожили достаточно, чтобы рассуждать на столь тонкую и щепетильную тему, а вот когда поживёте, поймёте, что на самом деле ..." После чего выдавался набор весьма тривиальных рассуждений, объяснений и советов, которые скорей подходили по уровню мышления и глубине восприятия необразованной продавщице или уборщице. Вся её речь состояла из банальностей и твёрдо заученных рецептов решения чего-бы то ни было, начиная от приобретения квартиры и заканчивая арабо-израильским конфликтом. Особенно убедительным был постоянно приводимый аргумент, что так думают все интеллигентные израильтяне, и, если мы желаем принадлежать к этому высокочтимому союзу сердец и умов, лучше даже не пытаться рассуждать, а необходимо сразу же принять и следовать. В отличие от жены, Яков много и пространно рассуждал. Он был идеологическим пессимистом. Если в какой-то ситуации, могло произойти что-то плохое, в его построениях это принималось за неизбежное. Возможно его научил этому жизненный опыт, который действительно до какого-то момента полностью соответствовал пессимистическому сценарию. Если бы даже десятая часть его предсказаний сбылась, то ни нас, ни Израиля давно бы уже не было. Но это не мешало Якову продолжать ожидать самого худшего. По отдельным высказываниям Якова на политические темы, можно было решить, что он находится на позициях между крайне-правыми и супер-крайне-правыми. Ссылаясь на большое количество исторических прецедентов, он объяснял, что никакие действия, кроме как самые жестокие и беспощадные, не могут спасти нас от полного уничтожения как народа и нации. Трудно было с ним спорить, так как он легко оперировал большим количеством хорошо подобранных и продуманных фактов. Когда он говорил о политике, лицо Сары приобретало в точности такое же выражение, как и при разговоре с нами, - ну что этот несмышлёныш несёт, пусть поживёт с моё в Израиле, пооботрётся, и поймёт со временем, как должен рассуждать интеллигентный человек. "Яков сам не понимает, что он говорит," - поучительно произносила с короткими паузами между словами она. - "Он же тоже оле хадаш." Последнее замечание как-то оправдывало его непроходимую тупость и неинтеллигентность. Мы были уверены, что Яков голосует на выборах за какую-нибудь из правых партий. Каково же было удивление, когда каждый раз оказывалось, что он отдал свой голос за рабочую партию. Он почему-то считал нужным мне об этом рассказать. История всегда была одной и той же. Яков шёл на избирательный участок, чтобы проголосовать за такую-то правую партию, которую он видел как единственную возможность для нашего спасения от неминуемого ("хотя, по правде говоря, и эти ничем уже не могли помочь!"), как вдруг, выйдя из дома, повстречал Ицхака Рабина, ("непонятно, откуда он меня знает!"), который долго его расспрашивал о делах, а заодно поинтересовался, за кого планируется быть отданным драгоценный голос. А уже после того, как слово было сказано, не оставалось ничего другого, как следовать ему. На следующих выборах

произошло то же самое, но уже с Пересом. Дальше я уже перестал интересоваться, так как общая тенденция стала понятна. Зато Сара на Якова не сердилась, и всем друзьям говорила: "Не слушайте его, не важно, что он болтает, зато он голосует как надо".

Однажды я столкнулся с Яковом в кампусе университета. "Что-то вы давно у нас не были, приходите в гости на неделе," - сказал я. Мой собеседник стал пунцовым: "Я тебе этого не говорил раньше, но теперь выхода нет, - "вы", то есть "мы" больше не существует. Мы разошлись с этой женщиной." Он избегал называть жену по имени. А ещё через неделю позвонила кафедральная секретарша и сказала, что я должен срочно прочитать статью в приложении к "Маариву", там про Якова такое написано! Я выскочил из дома, было около восьми вечера. Быстро добравшись до ближайшей лавки, в которой продавались газеты, я обнаружил, что хозяин её уже закрывает, а нераспроданные газеты он выбросил в мусорный ящик. Я быстро выудил из ящика нужную газету. Статья занимала целый разворот и называлась "Укус профессора". В ней сообщалось, что Яков, профессор университета, во время семейной ссоры покусал свою жену Сару, которая, в свою очередь, заявила об этом в полицию. Это составляло фактологическую часть, а остаток статьи состоял из рассуждений на тему проблемы избиваемых жён в Израиле. Основным посылом статьи было то, что в Израиле жён бьют все, в не зависимости от образования и доходов, а обманчивая картина того, что это явление существует только среди бедных и неграмотных создаётся из-за того, что супруги устроенных мужчин зависят материально от своих мужей и боятся, что накажут сами себя, пожаловавшись в полицию. Но, смелая и беспощадная Сара наплевала на предрассудки, и смело раскрыла глаза общества на то, о чём все и так догадывались - профессора тоже бьют своих жён, причём не меньше и не хуже, чем рыночные торговцы. А уж от изощрённости этих, так называемых, интеллигентов просто мороз по коже продирает. Вы где-нибудь читали, чтобы кто-то из простолюдинов кусал своих жён? А профессора без этого себе жизни не представляют, только дай им куснуть за какое-нибудь аппетитное место на социально незащищённом женском теле. В статью были вкраплены интервью с Сарой. Оказалось, что она пожертвовала очень многим, чтобы карьера мужа состоялась. А ведь все считали её намного более талантливой и способной, чем муж. Но, в нашем мужском шовинистическом обществе женщине лучше забыть о научной карьере. Поэтому, хотя все и советовали ей идти в аспирантуру (не уверен, что у неё было высшее образование), она бросила учёбу и отправилась с мужем за границу, когда он поехал в пост-докторантуру. Она всегда знала, что он садист, но думала, что это временное явление, но на этот раз все границы допустимого пересечены, и общество наконец должно задуматься, и, хорошо подумав, остановить раз и навсегда. В конце статьи, был нанесён завершающий удар, член кнессета Яэль Даян, главная защитница женщин страны, призывала принять новый закон, а пока закон не принят, начать с того, чтобы выгнать Якова из университета. Ей поддакивал председатель студенческого совета университета, который, как обычно, грозился всеобщей студенческой забастовкой, если Якову позволят продолжить воспитывать подрастающее поколение. В общем, зря Яков за них голосовал на выборах.

Яков очень страдал, он старался появляться в кампусе только после захода солнца. Каждый брошенный в его сторону взгляд, каждый шепоток за спиной

воспринимался им однозначно. Он перестал заниматься научной работой. Выезд из страны был для него закрыт. Студенты жаловались, что он во время лекций витает мыслями где-то в другом месте, часто останавливается и молчит по несколько минут. На вопросы не отвечает. Ректорат принял решение отложить административные меры до решения суда. Мы писали какие-то письма в защиту. Яэль Даян уже переключилась на защиту новых жертв, и оставила Сару без поддержки. Решение суда было - один год под наблюдением полицейского психолога, без права выезда из страны. Женщина-психолог, надзора, а Яков должен был приходиться к ней раз в неделю на часовое собеседование, на одной из встреч сочувственно спросила его: "Вы что, не видели, что она за человек? Надо было давно с ней развестись!" Хотя Яков после испытательного срока был полностью восстановлен в правах, эта история оставила неизгладимый и заметный след в его характере. Он стал медленно и путанно говорить, и с тех пор не написал ни одной научной статьи, дожидаясь пенсии.

Однажды мы сидели с ним в университетской столовой. Яков описывал очередной апокалиптический сценарий, на этот раз кризис планировался в экономике Израиля. Я перебил его: "Яков, я всё стеснялся тебя спросить. Зачем ты тогда укусил Сару?" Он поколебался с ответом, а потом выпалил: "А ты знаешь, сколько раз до этого кусала ОНА меня?"

Королева вампиров

*Тихо жертвенник горит
Пред волшебницей Лилит.
Слышен вздох то здесь, то там,
Каплет кровь по ступеням...*

М. Лохвицкая, "Лилит", 1900.

Книжный шкаф на нюненском чердаке был заставлен какими-то нечитабельными брошюрами на голландском и старыми журналами с неинтересными выцветшими картинками. Я не сразу обратил внимание на затерявшуюся на нижней полке книгу "Женщины в средневековых мифах и легендах". Вяло и без особого интереса я начал листать её, пока не наткнулся на главу, посвящённую образу Лилит в средневековой литературе. Мои представления о Лилит были обрывочными, - первая жена Адама, сотворённая ещё до Евы, и противопоставляемая ей, она появлялась в разных ипостасях в нескольких известных мне литературных произведениях. Тут был и "Фауст" Гёте, в котором Мефистофель, в разгар Вальпургиевой ночи призывал Фауста остерегаться волос Лилит, и стихотворения Цветаевой и Набокова. Ещё я где-то читал, что Лилит была первым в истории вампиром. Тем более было интересно узнать, что, начиная со Средних Веков, богословы, учёные, писатели, поэты и художники посвятили Лилит бесчисленные трактаты, поэмы и картины.

Оказалось, что в средние века представления людей о Лилит существенно отличались от современных. Её образ претерпел значительные изменения в сравнении с оригиналом, в особенности в литературе, относящейся к поздней романтической традиции, где авторы давали волю своей фантазии, не очень сообразуясь с традицией. Выяснилось, что основными источниками сведений о

"настоящей" Лилит являются каббалистические книги и манускрипт "Алфавит Бен-Сираха", написанный между VIII-м и X-м веками новой эры. Вот вкратце, как, в соответствии с моими воспоминаниями и записями, в них описывается история самой первой женщины.

Россетти, Леди Лилит

Любой минимально внимательный читатель Библии обратит внимание на то, что в книге "Бытие" сотворение человека описывается дважды. В первом рассказе просто написано, что Демииург создал мужчину и женщину, а во втором - уже во всех подробностях излагается истории создания Евы из ребра Адама. Объясняется же это следующим образом. Предполагается, что до Евы Всевышний сотворил одновременно с Адамом и из того же праха земного женщину по имени Лилит. Она не захотела подчиняться своему мужу, так как считала себя столь же равноценным творением Божьим, как и Адам, и соответственно настаивала на полном равноправии. Первый семейный конфликт произошёл на почве разногласий по поводу того, кто должен находиться снизу, а кто сверху, во время соития. Лилит посчитала унижительным подчинённое положение, и стала настаивать на геометрически равноправном распределении ролей. Неизощрённый в сексуальных играх Адам продолжал настаивать на доминантной позиции, и тогда, вышедшая из себя Лилит, произнесла тайное четырёхбуквенное имя Всевышнего, взмыла в воздух и улетела от Адама в неизвестном направлении. Неудовлетворённый Адам через некоторое время отчаялся дожидаться её возвращения и обратился к Всемогущему Властителю с жалобой на бежавшую жену. Всевышний послал вдогонку ей трёх ангелов, известных под именами Снуй, Сансануй и Санглаф. Они застигли Лилит у Красного моря, но она наотрез отказалась вернуться к примитивному домостроевцу-мужу. Тогда по решению ангельского военного суда у Лилит отняли тело, впрочем оставив нетронутым её дух. Кроме как описаниями процедуры восстановления попорченной справедливости, вернувшимся ангелам нечем было порадовать продолжавшего мучаться одиночеством первого мужчину. Тот продолжал бомбардировать Всемиловейшего жалобами, и, в конце концов, вынудил Всемогущего

повторить процедуру изготовления женщины, но уже по альтернативной технологии, не требующей использования праха земного, заранее гарантирующей справедливое, по мнению Адама, распределение ролей и позиций.

Лилит осталась одна на берегу Красного моря. Глубокие сомнения терзали её. Она начала подводить итоги своего выступления против мужа. Ну удалось ей продемонстрировать непреклонность и принципиальность, не уступила она давлению Адама, а в результате осталась без тела и без особых перспектив на будущее. Кто же захочет связываться с хоть и несравненно прекрасной, но начисто лишённой осязаемой телесности, женщиной? Нужно было срочно что-то предпринимать, и тогда воззвала Лилит к Всевышнему: "Господи, не смогу я одна! Любое указание твоё готова исполнить, только верни мне земное тело и дай мне земную любовь." И так жалобно просила она, что Всемогуший внял её мольбам. И явился к ней архангел Рафаэль, умеющий обращаться со страдающими от боли, и сказал: "Не захотела ты уступить первенство мужу, и за это наказана, и теперь хочешь искупить свою вину. У тебя есть только одна возможность - ты должна доказать, что готова помочь каждому мужчине, которого встретишь. Только ты среди всех женщин мира будешь способна ограждать от грешных поступков и побуждений, облегчать страдания плоти и поддерживать в моменты отчаяния. Пойди же в мир, полный греха, и Всемиловитейший будет наблюдать за тобой, и когда убедится, что дух твой изменился, вернётся к тебе отнятое".

Джон Кольер, Лилит, 1892

И стала Лилит демоном ночи. Бесплотная, она носилась над землёй, с развевающимися длинными рыжими волосами, и вводила в соблазн одиноких мужчин. Те, которые боялись её, надевали на руку красную нитку, так как считалось, что Лилит не любит красный цвет. И была Лилит необыкновенно прекрасна, так что увидев её ни один мужчина не мог не восхититься. Если какой-либо мужчина спал в одиночестве, Лилит являлась ему в полной наготе, и танцевала и извивалась перед ним, пока не извергалось его семя. А также мужчинам и мальчикам, убаживающим себя самостоятельно, всем им помогала бестелесная Лилит своими плясками. А также мужчинам, которым было с кем делить ложе, Лилит оказывала посильную поддержку. Это требовалось, когда акт любви совершался вопреки правилам, а именно, если женщина дозволила себе полностью обнажиться, или на супружеское ложе падал отсвет свечи, или, что ужаснее всего, соитие происходило в дни запрещённые. Тогда и появлялась Лилит и отбирала греховное семя.

Бестелесная Лилит недолго оставалась в одиночестве. Она сошлась с Самаэлем, другое имя которого - Сатаниил. Тот когда-то был главным ангелом, милым Вседержателю. Все ангелы были у него в подчинении. А потом стал совершать неблагоприятные поступки, о чём стало известно Всевышнему, который низверг Самаэля. И превратился Самаэль в ангела смерти, и стал главным правителем Пятого Неба и одним из семи регентов мира. Всевышний проклял его, а чтобы избавить мир от его потомков лишил мужской силы. Так что союз этот с бестелесной Лилит никак не унижал его как мужчину. Но скоро выяснилось, что Лилит не может выдержать такого количества зла, которое она впускала в душу свою. Очень страдала от этого Лилит. И тогда явился Танинивер, Слепой Дракон, который, как и Морской Дракон, не имел цвета. И хоть Лилит и Самаэль были лишены возможности физического соития, при помощи дракона слились они в единое целое, и произошла эманация зла из Лилит и Самаэля, и перешла греховная субстанция в тело слепого чудовища. После того, как это свершилось увидела Лилит, что Танинивер приобрел цвет, а душа её очистилась от груза, и снова способна она выполнять миссию свою. А Слепой Дракон улетел на Пятое Небо, чтобы вернуться, когда вновь услышит он стон Лилит.

Видя старания Лилит, Всевышний начал время от времени давать её духу возможность бывать в телесной оболочке. И тогда она заботилась о том, чтобы мужчина не страдал и не изнывал, а отягощающие его тело и мысли субстанции зла покидали его без задержки, освобождая дух для парения. Самое страшное же происходило, когда мужчина чувствовал непроходящую усталость, смертельная тоска охватывала его и пропадал у него интерес к поиску нового. Только помощь Лилит могла вернуть его к жизни. Но для того, чтобы избежать распада, Лилит должна была пропустить через тело своё кровь его и вернуть её обратно очищенной от скверны. Очень редко Лилит прибегала к этой процедуре, - душа её надрывалась от боли, да и оставались следы на теле мужчины. Всевышнему приятны усилия Лилит, но всё ещё не считает он её окончательно готовой к переселению в тело, - а вдруг снова взбрыкнёт? И без Лилит хватает неприятностей. Так что подождём ещё немного.

Так описывали историю Лилит в книге "Зоар" рав Моше де Леон, в книге "Пардес Римоним" рав Моше Кордоверо, и в книге "Алфавит" рав Бен Сирах.

Когда мы уезжали из Голландии, я долго боролся с искушением захватить с собой полюбившуюся мне книгу "Женщины в средневековых мифах и легендах". Но честность победила, и я водрузил её обратно на нижнюю полку книжного шкафа. По рассеянности я забыл в книге открытку, которой закладывал первую страницу главы "Лилит". Эту открытку я купил в амстердамском музее на выставке. На ней был изображён "Автопортрет с перевязанным ухом" Ван Гога.

Эпилог

Не так давно дела привели меня в Мюнхен. В один из вечеров мы со Спутницей отправились в ресторан "Тантрис", считающийся лучшим в городе. Точно в восемь вечера, как и было заказано, мы стояли у входа. Подход к ресторану украшали какие-то невообразимые массивные каменные скульптуры - фигуры чудищ с крыльями. Несмотря на лётные приспособления, квалифицировать их в качестве каких-либо конкретных объектов известного нам в именах мира птиц и животных нам не удалось. Ужин был великолепен, хотя вино я, следуя многолетней привычке, заказал местное, немецкое, и это оказалось ошибкой. Когда я выпил второй бокал, вдруг всё закружилось у меня перед глазами, и я почувствовал, что теряю сознание. Очнулся я от того, что кто-то остервенело лупил меня по щекам. Я открыл глаза, и встретился взглядом со Спутницей. "Ты потерял сознание!" - кричала она, - "Я пыталась разжать тебе зубы, но ты прокусил мне большой палец!" К дурноте прибавилось чувство вины. Спутница прижала кровоточащий палец ко рту. На её верхней губе запеклось несколько красных капель. "Кажется, я тебя поцарапала," - сказала Спутница, взглядевшись в моё белое лицо. Только тогда я почувствовал, как саднит моё левое ухо. Спутница протянула салфетку. Она откинула рыжую прядь со лба и снова занялась своим пальцем, отсутствующе глядя в окно. Я проследил за направлением её взгляда. Спутница смотрела куда-то в темноту за окном. Ничего примечательного я там не обнаружил. В небе можно было различить стаю чёрных птиц, почти сливающихся с небом. Я опустил взгляд чуть ниже и вздрогнул. Морда одного из каменных чудовищ слегка освещалась и отчётливо выделялась во мраке. Казалось, это неизвестное науке крылатое существо подслеповато щурится, глядя вверх моей головы, и хитрая кривая усмешка играет на его устах. Я резко обернулся, и ещё успел заметить исчезающую с лица улыбку Спутницы, очевидно предназначавшуюся не мне.

Спутница и Дракон